

УДК 94(47).084

**С КЛЕЙМОМ «ВРАГ НАРОДА»:
О СУДЬБАХ РЕПРЕССИРОВАННЫХ КУРЯН И ИХ СЕМЕЙ**

© 2009 Г. А. Салтык

*докт. истор. наук,
проф. каф. истории Отечества
e-mail: saltyk@land.ru*

Курский государственный университет

В статье на основе воспоминаний детей «врагов народа», документов АУФСБ РФ по Курской области, «Книги Памяти жертв политических репрессий Курской области» рассказывается о судьбах курян, необоснованно пострадавших в годы массовых политических репрессий в СССР. На большом фактическом материале представлены неизвестные страницы из жизни семей «врагов народа», биографии детей. Показано, как в Курской области шел процесс восстановления справедливости в отношении безвинно пострадавших в 1930–1940-е гг., а также представлены сведения об истории становления и деятельности Курской областной ассоциации жертв политических репрессий.

Автором использованы аудиоматериалы, полученные лично во время бесед с Л. И. Сосновой, Э. Т. Русановой, Т. М. Ивановой, директором музея Курской биофабрики А. Я. Шевелевой.

Ключевые слова: семья, дети «врага народа», реабилитация, УНКВД, преступление, Ассоциация жертв политических репрессий

Одним из важнейших направлений исторических исследований, которое в настоящее время получило широкое распространение, стало изучение тех сторон и периодов отечественной истории, которые в силу идеологических и политических условий ранее не рассматривались или рассматривались односторонне. Едва ли не в первую очередь это относится к судьбе человека, его повседневной жизни в 1930–1950-е годы. И невольно задумываешься над тем, какой след оставили репрессии в судьбах российских семей? Трудно представить трагедию людей, переживших сталинские застенки, испытавших на себе все тяготы ссылки и лагерей. Клеймо «врага народа» не давало покоя не только самим «политическим», но и их семьям – женам, детям, пережившим горькое сиротство, позор, унижения и нищету. Сколько их было лишено простого счастья – быть вместе, вместе жить, учиться и работать во имя своей великой Родины? По неполным данным только в Курской области в 1930–1940-е годы органы НКВД расстреляли 1996 человек. В уголовном порядке незаконно репрессированными оказались более двадцати тысяч, а в административном – свыше ста тысяч человек¹. Сегодня мы уже точно знаем, что большинство людей, пострадавших в этот период, были невиновны. Не многим посчастливилось дожить до того времени, когда бывших «врагов народа» признали «жертвами беззакония». Их дети, сегодняшние пенсионеры, со слезами на глазах рассказывают о пережитом.

Историография проблемы исследования в основном представлена работами, посвященными рассмотрению составных частей политики Советского государства в 1930-е годы в целом по стране и в частности в Центрально-Черноземном регионе. В ходе массовых политических репрессий пострадали различные слои населения и особенно крестьянство. О его судьбах в 1930-е гг. рассказывается в монографиях В. П. Загоровского, О. М. Мигущенко². Важное место среди исследований, посвященных теме политических репрессий, занимает книга А. Г. Ошерова³. Написанная в публицистическом жанре, она, вместе с тем, основана на подлинных

документах АУФСБ РФ по Курской области. Организационно-правовое обеспечение репрессивной политики Советского государства в 1930-е годы, механизм массовых репрессий в Курском крае рассматриваются в работах В. Г. Карнаевича и Е. В. Карнаевич, О. Л. Шашковой, С. В. Третьякова и др.⁴ А. Ю. Друговская и С. В. Капинос одними из первых среди региональных исследователей подняли тему репрессий среди священнослужителей Курского края⁵. Этой же теме посвящена статья Л. Н. Штукиной⁶. В 1930-е гг. в числе «врагов народа» оказались «политические противники большевиков» - представители партии социалистов-революционеров. В последнее время появились публикации о судьбах членов этой партии, участников Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев⁷. Отношение советских граждан к массовым политическим репрессиям в стране подробно анализируется в работах С. В. Токарева⁸. На материалах АУФСБ РФ по Курской области автору удалось воссоздать картину массовых политических репрессий, затронувших все слои общества. Появились работы, раскрывающие масштабы политических репрессий научно-технических работников⁹.

Особого внимания заслуживает книга, подготовленная к изданию коллективом Курской биофабрики. Подробно излагая историю первого в России предприятия по производству ветеринарных биопрепаратов, ее авторы приводят данные о специалистах, пострадавших в годы сталинского террора¹⁰. Из мемуарной литературы следует остановиться на книге М. Н. Иванова¹¹, в которой воспроизводится реальная картина событий 1930-х гг. в Курске. Увидели свет публикации, в которых нашли отражение воспоминания детей, чьи родители необоснованно пострадали в 1930–1940-е годы¹². В те далекие годы им было по 8–12 лет. Сегодня многие из них входят в Курскую областную ассоциацию жертв политических репрессий. В основу данной статьи положены воспоминания детей «врагов народа», собранные автором в течение нескольких лет.

Кто они, их репрессированные родители? Директора заводов, бухгалтера, учителя, агрономы, партийные и комсомольские работники... Такие разные и такие похожие. Похожи своей болью, страданиями, той несправедливостью, которой отблагодарила их Родина за честный труд и беззаветную преданность народу.

Особо хотелось бы остановиться на судьбе директора Курской биофабрики А. Е. Шаварина. Он был репрессирован в числе восьми сотрудников предприятия 13 декабря 1937 г.¹³ О предстоящем аресте Шаварин догадывался давно. Еще 6 августа 1937 г. было проведено партийное собрание, на котором представители горкома настаивали на исключении А. Е. Шаварина из рядов партии. Однако коммунисты первички с этим не согласились. И все же 13 августа на повторном партийном собрании А. Е. Шаварину объявили выговор, а через месяц, 13 сентября 1937 г., было принято постановление Ленинского райкома ВКП(б) об исключении его из ВКП(б). После этого решения А. Е. Шаварин еще три месяца продолжал руководить предприятием.

К моменту ареста это был уже человек сломленный и морально разбитый. О том, как прошли первые дни в тюрьме, можно только догадываться. Но уже 15 декабря 1937 г. А. Е. Шаварин «пишет» начальнику УНКВД по Курской области капитану госбезопасности Боечину «покаянное письмо»: «Я, убедившись в бесцельности скрывать от следствия о своем участии в контрреволюционной (деятельности) организации и желая откровенными показаниями хотя бы частично искупить свою вину, решил написать настоящее заявление. Я был завербован в контрреволюционную организацию в 1933 г. Эдемским, который знал, что я был исключен из партии за проявление правого уклона на практике. Из участников контрреволюционной организации знаю следующих лиц: Гинзбурга, Эдемского, Бояршинова, Андрющенко,

Гануса, его заместителя по центробазе ветснабжения Фаломеева, Зорина, Беленького¹⁴. По заданию контрреволюционной организации мною на биофабрике проделано следующее: создана контргруппа в составе Постникова, Родионова, Глод, Галдина и Демченко. Она ставила перед собой задачу по срыву выполнения промфинплана и по распространению эпизоотических заболеваний. О своей контрреволюционной деятельности, а также каждого в отдельности лица буду давать подробные показания при последующем вызове меня на допрос. 15 декабря 1937 г. Подпись /Шаварин/»¹⁵.

Через неделю его уже допрашивали три сотрудника УНКВД во главе с начальником управления Боечным. «Шестнадцать печатных листов не смогли вместить все “показания” Шаварина, в конце протокола допроса была сделана приписка: “допрос прерван”. Почему? Может быть, устали следователи, а может быть, стало плохо обвиняемому...»¹⁶, - писал в 1994 г. старший помощник прокурора Курской области В. Щепяков.

Что заставило А. Е. Шаварина оговорить себя? В протоколе допроса от 20–22 декабря 1937 г. он уже заявлял о том, что «действительно является членом контрреволюционно-диверсионно-вредительской организации, действующей в системе Главветупра НКЗ СССР, и руководителем ее периферийной ячейки на Курской биофабрике...».

Материалы АУФСБ РФ по Курской области свидетельствуют о том, что по делу А. Е. Шаварина не был допрошен ни один свидетель, не было очных ставок, хотя все восемь незаконно арестованных специалистов Курской биофабрики сидели в одной тюрьме... 22 марта 1938 г. ему объявили об окончании следствия и на долгие семь месяцев А. Е. Шаварин остался в камере один на один со своими мыслями. Никакого общения с миром, переписка и свидания запрещены. 26 октября 1938 г. на закрытом судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством бригавоенюриста Романычева приступили к слушанию дела. Заседание началось в 12 час 30 мин., в 12 часов 50 минут было закрыто. Приговор - высшая мера наказания (расстрел). В тот же день приговор приведен в исполнение. Семье же сообщили, что он осужден на 10 лет и выслан на Колыму.

Не зная о том, что А. Е. Шаварина уже нет в живых, его жена Елена Спиридоновна написала заявление прокурору СССР Вышинскому: «Прошу пересмотреть дело моего мужа, который в конце октября 1938 года по решению закрытого суда осужден и выслан на Колыму на 10 лет. В чем его обвиняют и за что он осужден, я не знаю ...» Прокуратура СССР поручила военной прокуратуре Орловского военного округа изучить дело А. Е. Шаварина. Почти три месяца длилась его проверка. Никаких фактов, подтверждающих вину бывшего директора биофабрики, не удалось добыть. Однако военная прокуратура вынесла постановление «на основании признания самого обвиняемого по делу считать обвинение по ст. 58-1“а”, 58-8 и 58-11 УК РСФСР доказанным и вынесенную меру наказания — в соответствии с содеянным преступлением». Дело А. Е. Шаварина было закрыто окончательно. Шел 1940-й год...

Однако Елена Спиридоновна не успокоилась. Она обратилась в Бюро жалоб при ЦК ВКП (б). В своей жалобе она писала: «Не зная сути выдвинутых против Шаварина конкретных обвинений, я не могу ни отрицать таковых, а также подтвердить их. Вместе с тем, зная этого человека 19 лет, зная его глубочайшую преданность партии, ее руководству, я не допускаю мысли, чтобы этот человек мог что-либо сделать намеренно дурное. Поэтому мне кажется чудовищным его обвинение и столь суровое наказание. Это коснулось не только меня, но и моей 16-летней дочери, для которой отец по своим качествам человека и партийца был образцом поведения, и вдруг он оказывается в числе врагов народа со всеми вытекающими отсюда последствиями... Если после ознакомления с делом ЦК найдет уважительные причины для пересмотра

дела в целом, дать делу законный ход, ибо мое глубокое убеждение, что здесь имеет место огромная ошибка, которая исковеркала жизнь человека, полезного члена партии и глубоко преданного своей Родине, доказавшего это своим поведением и работой до последнего момента»¹⁷. Ответ Е. С. Шаварина так и не получила...

Вместе с бывшим директором биофабрики были расстреляны С. Н. Постников, К. С. Родионов, А. М. Галдин и П. К. Барановский. Н. А. Глод был осужден на 15 лет лагерей, М. Н. Иванов и Т. А. Полозова - на 8 лет лагерей. Суд не принял во внимание, что П. К. Барановский, С. Н. Постников, М. Н. Иванов, Н. А. Глод и А. М. Галдин не признали себя виновными и отказались от показаний на предварительном следствии...

М. Н. Иванов, главный бухгалтер биофабрики, подобно А. Е. Шаварину, также оговорил себя. Однако уже на следующий день, осознав всю тяжесть содеянного, он написал письмо на имя начальника УНКВД Курской области о том, почему сделал ложное заявление.

Позже уже на имя прокурора внутренних дел СССР было направлено пять жалоб от заключенного Соликамского лагеря (Усольлаг) М. Н. Иванова, осужденного Особым совещанием при НКВД на 8 лет. В поданных жалобах он рассказывал о своей революционной деятельности в Тверском крае, о царских тюрьмах и ссылке до Февральской революции 1917 г.¹⁸

В это же время на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии поступило заявление от жены М.Н. Иванова - Дагмары Эдуардовны, в котором она указывает на то, что ее муж пережил при царском режиме ссылки, крепости и тюрьмы, потерял здоровье... Она рассказывает о жизни в Геленджике, о том, что деятельность ее мужа известна на Кавказе. В период гражданской войны «коммунары» (их называли ивановцами) помогали партизанам. В это время в их коммуне скрывался от белогвардейцев член Новороссийской ЧК, большевик Л.И. Брейтбард, приговоренный белыми к расстрелу.

Весной 1939 г., очевидно в связи с жалобой М. Н. Иванова, проводилось дознание по его делу. 22 июня 1940 г. на имя Дагмары Эдуардовны Ивановой было направлено письмо за № 1-748-и, в котором прокурор Курской области сообщал о том, что дело М.Н. Иванова рассмотрено в порядке надзора, постановление об осуждении опротестовано и дело послано на утверждение.

13 февраля 1941 г. в УНКВД по Курской области поступило указание от начальника Секретариата Особого совещания НКВД СССР капитана госбезопасности Иванова направить следственное дело № 285560 по обвинению М.Н. Иванова для проверки в связи с его жалобами и в соответствии с приказом НКВД СССР за № 001179 от 4.10. 1939 г.

В начале лета 1941 г. Д. Э. Иванова, не дождавшись уведомления о результатах пересмотра дела, обратилась в Прокуратуру СССР, где подтвердили, что дело Иванова действительно пересмотрено и что Михаил Николаевич вскоре вернется к семье.

Однако М.Н. Иванов продолжал находиться в лагере. Учитывая его добросовестную производственную работу, связанную с оборонной промышленностью, по ходатайству руководителей лагеря, ОС снизило срок осуждения Иванова на 1 год. 12 января 1944 г. новым Постановлением ОС при НКВД СССР мера наказания М. Н. Иванову была еще раз снижена до фактически отбытого срока и из-под стражи он был освобожден. По возвращении домой 6 мая 1945 г. М. Н. Иванов сразу же приступил к исполнению обязанностей главного бухгалтера Курской биофабрики и проработал в этой должности до 1961 года.

В июле 1955 г. ему вернули честное имя. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1.8.55 г. Постановление ОС при НКВД СССР от 21 июня 1938 г. по делу по обвинению Иванова было отменено, а дело в отношении его производством

прекращено за отсутствием состава преступления. 6 июля 1956 г. Президиум Курского областного суда поддержал это решение...

О том, что пришлось пережить семье М.Н. Иванова в 1938–1945 гг., рассказала его младшая дочь Татьяна Михайловна: «В школе, на улице дети показывали на меня пальцем, обзывали дочерью “врага народа”. Сколько боли и обиды вызывали они у меня. Ведь я была уверена в том, что мой отец невиновен. Меня исключили из пионеров, я не могла стать комсомолкой. И общественная жизнь осталась где-то в стороне».

Чтобы содержать детей, жене М. Н. Иванова - Дагмаре Эдуардовне приходилось много работать. Она преподавала немецкий язык в школах, медицинском институте, в воинской части. «Мама часто уезжала в военный лагерь, который находился недалеко от Курска, в деревне Клюква. Мы, дети, неделями ее не видели», – вспоминает Татьяна Михайловна. Из детства ей запомнились только голод, холод и лишения...

А дальше была война, эвакуация из Курска. Вместе с медицинским институтом семья уехала в Казахстан. «Теснота в вагонах была такая, что нам пришлось ехать до Урала (трое суток) стоя». В то время старшая дочь Анна уже была студенткой мединститута. Для продолжения учебы она осталась в Алма-Ате. Алиса поступила в судостроительный техникум, эвакуированный сюда из Севастополя. Татьяна с мамой уехали в Талды-Курганский район, куда Дагмара Эдуардовна была направлена на работу в школу. «Поселились мы в маленькой сторожке, которая находилась рядом со школой, - рассказывает Татьяна Михайловна. Она не была приспособлена для жилья, в ней всегда было холодно. Из-за нехватки дров мы топили сырой лозой, от которой вместо тепла были только копоть и дым... Воду приходилось носить из ручья. Ели картофельные очистки, овес... Хлеб, молоко и масло в глаза не видели...»¹⁹.

И все же семья выжила, встретила отца. Дети Ивановых получили высшее образование и многие годы трудились на благо своей Родины²⁰. Но и сегодня, будучи в преклонном возрасте, они с болью вспоминают о своем несчастливом детстве.

Еще одна семья, которая с арестом отца навсегда утратила право быть счастливой, – семья видного комсомольского работника И. А. Гулиенко²¹. В ноябре 1927 г. он возглавлял Курскую губернскую комсомольскую организацию. В дальнейшем, когда Курская губерния вошла в состав ЦЧО (со второй половины 1928 г.), Гулиенко, как и многие другие партийные и комсомольские работники, переехал в Воронеж. Работал в обкоме комсомола, в областной контрольной комиссии ЦЧО. В 1934 г. был утвержден заведующим отделом руководящих комсомольских органов Воронежского обкома ВЛКСМ, избран секретарем его парткома²².

В это время органы НКВД «раскрыли» сеть комсомольских «заговоров» по стране и получили задание устроить открытый процесс над руководителями молодежных организаций всех регионов. В марте 1937 г. И. А. Гулиенко был исключен из партии по обвинению в участии в антисоветской организации, арестован, а в апреле 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 УК к расстрелу. Почти через два десятилетия, в 1957 г., выяснилось, что на суде виновным себя не признал, а данные, на которых обосновывалось обвинение, не соответствовали истине. Приговор был отменен, дело в отношении Гулиенко прекращено за отсутствием состава преступления. В том же году бюро Курского обкома КПСС реабилитировало Ивана Алексеевича в партийном отношении (посмертно).

Дочь И. А. Гулиенко запомнила на всю жизнь ту мартовскую ночь 1937 г., когда сотрудники НКВД проводили массовые аресты партийно-комсомольской верхушки по обвинению в троцкистском заговоре и покушении на Сталина. «Постучали к нам в дверь, комнаты были проходные. Вошли, поздоровались. Объяснились, что пришли за папой. Я помню, как вдруг вся похолодела, как почувствовала, что больше никогда он

не вернется домой, что нашей счастливой жизни пришел конец... Увидев слезы мамы и осознавая, что “дяди” хотят увести папу, я тихонько выскользнула из постели, закрыла входную дверь и спрятала ключ под подушкой. Но сотрудник НКВД заметил торчащий из-под подушки мой детский кулачок. Ручонку с силой разжали. На пол упал ключ, и папу увели...»²³.

Сколько боли и отчаяния в словах Ларисы Ивановны! Даже спустя многие десятилетия она не может без волнения говорить о пережитом. «Мама, такая же идейная как папа, не могла поверить в несправедливость власти и начала обивать пороги следствия. Она не хотела понять страшную правду, даже когда нас выселили из квартиры. Затем ей предложили публично через газеты и радио отречься от мужа. Но она не согласилась это сделать и продолжала добиваться встречи с супругом. Наконец свидание пообещали. Ее увезли на машине. Домой она больше не вернулась... Тогда бабушка, опасаясь, что детей могут у нее отнять (а такое случалось не редко) решила увезти нас к родственникам в Курск»²⁴.

Евдокия Ивановна Гулиенко, мужественная, сильная женщина, все-таки выжила в сталинских застенках. С 1937 по 1942 гг. она находилась в исправительно-трудовых лагерях г. Акмолинска и г. Соликамска. Вернулась к детям уже после освобождения г. Курска. С 1943 по 1959 гг. работала швейей-мотористкой, а затем мастером цеха швейной фабрики № 1, где выполняла заказ пошива военного обмундирования. Принимала активное участие в восстановлении разрушенного города и в строительстве Дома советов. В 1957 году ее реабилитировали и восстановили в КПСС. В 1959 г. ей назначили персональную пенсию местного значения, наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Будучи на пенсии, Е. М. Гулиенко входила в женсовет домоуправления № 1 г. Курска (ул. Луговая), где возглавила секцию по благоустройству. Она создала одну из лучших в городе летних детских площадок на улице Верхней Луговой. Дети под ее руководством осуществляли рейды по проверке санитарного состояния квартир и дворов. После уличных собраний они принимали участие в массовой уборке, потом сажали деревья и цветы. Между улицами, которых в домоуправлении насчитывалось 40, организовывали соревнования за лучшее благоустройство и санитарное состояние. Три года подряд женсовет домоуправления, в котором работала Е. М. Гулиенко, на городской выставке цветов получал почетные дипломы. А еще она являлась внештатным инспектором Ленинского райсобеса, организовывала прогулки в лес за грибами и ягодами, экскурсии в музеи, картинную галерею и планетарий, спортивные соревнования, жаркие споры после посещения кинотеатра, купанья в реке, ночные походы в Стрелецкую степь с песнями у костра²⁵. Удивительно, но, пройдя через тюрьмы и лагеря, Евдокия Михайловна сохранила любовь к прекрасному, к своей Родине и, как могла, прививала ее детям.

Детей супругов Гулиенко после ареста родителей забрала к себе бабушка (Н. Б. Гулиенко) в Курск. Вскоре началась война, город был оккупирован фашистами... Но «дети врагов народа» в период оккупации были просто детьми войны. Верили в Победу, приближали ее как могли. Они знали о том, что арест их родителей – это чудовищная ошибка. Но ни руководство страны, ни советскую власть они не считали виновными в том, что произошло. Лариса Ивановна Соснова (Гулиенко) и ее сестра Неля в период оккупации города Курска прятали портрет Сталина на чердаке бабушкиного дома. А в марте 1953 года, когда на школьной линейке сообщили о смерти «вождя всех народов», Лариса потеряла сознание...

О пережитом с болью в голосе рассказывает Л.И. Соснова. Она помнит, как шла эвакуация в г. Курске: «Мы с подружкой Валей Тарасовой бежали по ул. Дзержинского. Вдруг я заметила странного мужчину с чемоданом в руке. Он шел быстро и все время

оглядывался по сторонам. Мы решили сообщить об этом человеке в милицию, куда я и отправилась. А Валя побежала за “подозреваемым”. В отделении милиции было не до меня – готовились к эвакуации. Долго мне пришлось уговаривать милиционеров, и все же они последовали за мной. На Боевке “подозрительного” задержали. Он оказался немецким шпионом, а в чемодане была обнаружена рация... Нас с Валей поблагодарили за бдительность и просили зайти в отделение. Но мы не успели – в город вошли фашисты...».

Лариса Ивановна помнит страшную бомбежку. Фашистские танки с грохотом ехали по центральной улице города. Было далеко видно фашистскую свастику, от вида которой замирали сердца. В доме, где жили девочки, поселились эсесовцы. Один из них чуть не убил двоюродного брата Ларисы Бориса. Ему тогда исполнилось всего три месяца, и мальчик часто плакал по ночам. Однажды немец не выдержал детского плача, схватил ребенка за ноги и хотел выбросить на улицу. Долго держал его в холодном коридоре, но все-таки не убил.

«Боря после этого долго болел. Вылечить его помог другой немец, которого звали Франц. Он жил в доме тети Нади недолго. Заведовал складом, где хранились продукты. Часто по ночам он брал нас, старших детей, с собой. И мы носили домой продукты, – вспоминает Лариса Ивановна. – Я не знаю почему он так к нам относился. Может быть, потому, что у него в Германии осталась маленькая дочь. А может быть, потому, что он не был фашистом...».

Во дворе дома, где жила семья Гулиенко, в старом сарае находились советские военнопленные. Их фашисты гоняли на работу. Обращались с ними грубо, почти не кормили. Были там и тяжелораненые. Вот их-то и подкармливали дети. Кормили продуктами, которые приносил Франц из склада... Однажды Лариса хотела передать пленным ведро картошки. Но немецкий солдат, охранявший их, увидел это. Он сильно избил девочку. «Удары кованых сапог я помню до сих пор. Фашист повалил меня на снег – и бил, бил, бил. А потом разбросал картошку по всему двору и стал втаптывать ее в снег. Как я попала в дом – не помню. Говорят, что Франц помог...», – рассказывает Лариса Ивановна.

А еще дети помогали взрослым ухаживать за ранеными советскими солдатами. В больнице г. Курска действовало подполье. Врачи Ю. А. Козубовский, Е. Н. Коровина, медсестры А. А. Булгакова, Н. Г. Матяшова и другие с первых дней оккупации начали оказывать посильную помощь раненым советским военнопленным. Эта помощь выражалась в приобретении необходимых медикаментов, продуктов питания, одежды. Путем выдачи фиктивных справок, постановки ложных диагнозов, имитации лечебного процесса (преднамеренные надрезы здоровых частей тела с последующим наложением ватно-марлевых и гипсовых повязок) медицинские работники смогли спасти десятки молодых курян от насильственной отправки на принудительные работы в Германию и выздоравливающих пленных красноармейцев от заключения в концентрационные лагеря.

Было ли страшно во время войны? Об этом не думали. Несмотря на то что немцы расстреляли старшую сестру отца, продолжали помогать партизанам. Однажды Надежда Борисовна спасла от расстрела пленных, которые находились недалеко от ее дома в подвале школы. Узнав о предстоящей казни, она связалась с партизанами, которые помогли бежать обреченным на смерть.

После освобождения Курска от фашистов во второй половине февраля 1943 г. Неля Гулиенко работала на железнодорожной ветке – помогала разгружать раненых, Лариса ухаживала за ними в госпитале. Девочки также разбирали баррикады, ездили в колхоз на сельскохозяйственные работы, принимали участие в ремонте школы²⁶.

Судьбу детей «врагов народа» пережила и Нина Константиновна Банина. После ареста отца²⁷ ее с позором исключали из комсомола как дочь «врага народа». Какие чувства переполняли душу девочки? Боль, обида, ненависть? Но когда началась Великая Отечественная война, она сбежала на фронт. Работала сандружинницей в полевом военно-санитарном поезде № 341. Позже она была признана участником Великой Отечественной войны.

Тяжелые испытания выпали и на долю семьи Ф.А. Геращенко²⁸. О пережитом вспоминает его дочь М.Ф. Евхуто²⁹. «Мама осталась одна с тремя детьми: сестре Саше шел 13-й год, мне – 11-й, брату Коле было 5 лет. После ареста отца нас выгнали с квартиры. Меня мама отправила жить и учиться к своей младшей сестре Ольге на станцию Сагуны Юго-Восточной железной дороги Подгоренского района Воронежской области. У нее также было трое детей. Поэтому мне нелегко пришлось в чужой семье. Однако у тети я все-таки закончила 6-10 классы школы № 74. Как дочь “врага народа” я вынуждена была платить в школе по 150 рублей за каждый год»³⁰. После окончания школы Мария решила поступить в медицинский институт, сдала экзамены на «5», однако она не стала студенткой. «Не приняли из-за отца, не приняли как дочь “врага народа”, – с горечью вспоминает М.Ф. Евхуто. Работала на железной дороге: в ночное время чистила переводные стрелки от снега. Позже она все-таки поступила в институт – в инженерно-строительный, где не было конкурса. Училась с большим интересом, институт закончила с отличием. Претензий как к дочери «врага народа» в этом институте к ней не было. Но учиться было нелегко, так как девушке приходилось еще и работать на стройке»³¹.

Со слезами на глазах вспоминает о трагедии семьи и Алла Александровна Космовская, дочь Александра Сергеевича Космовского, незаконно репрессированного в 1937 г. Только в 2004 г. она «осмелилась» полистать дело своего отца (Дело № 5378 3-го Отдела УГБ НКВД по Курской области), которое ей выдали в АУФСБ РФ по Курской области...

Все в этом деле вызывает недоумение. Непонятно, почему А. С. Космовский был арестован без санкции прокурора, без предъявления обвинения, без доказательств вины. Тем более допрошенный по делу в процессе следствия виновным себя не признал. Так за что же расстреляли человека?

Умные, образованные люди... Они многое понимали, многое осознавали. И никто из них не был застрахован от ареста, которому подвергались даже те, кто молчал. Поводом к нему мог послужить донос соседа, сослуживца, начальника. А уж если в биографии были «белые пятна»... Белым пятном в биографии А. С. Космовского оказалось его происхождение. Он родился в 1901 г. в г. Курске в дворянской семье. Его отец был полковником царской армии. С сентября 1919 г. по октябрь 1921 г. служил рядовым в Белой армии, с которой эмигрировал за границу. В России остались мать и три младших сестры. В 1924 г. вернулся на Родину. Вскоре его осудили к 2,5 месяцам тюремного заключения за нелегальный переход границы СССР. После освобождения работал главным бухгалтером механического завода № 1 в Курске. Заботился о сестрах, так как к этому времени его мама умерла.

В очередной раз А. С. Космовского арестовали 3 октября 1937 г., обвинив в том, что, «будучи враждебно настроенным против советской власти, он дискредитировал ее политику, систематически проводил антисоветскую агитацию, популяризировал врагов народа, сожалея об их расстреле, клеветал на рабочий класс, восхваляя жизнь рабочих в капиталистических странах»³².

Из материалов следствия видно, что основанием к осуждению Космовского послужили свидетельства Н. Т. Лопатинского, П. А. Андреева и П. А. Кирсанова. Было ли им известно о том, что все сказанное на допросе станет основанием к принятию

смертного приговора в отношении Александра Сергеевича? Очевидно, нет. Вместе с тем на заданные следователем вопросы свидетели отвечали четко, «в интересах дела» «как нужно» оценивали поступки арестованного... Для примера приведем выдержки из показаний Н. Т. Лопатинского, данные им на допросе 25 ноября 1937 г.: «... Космовский – личность антисоветская. В момент сообщения в печати о расстреле Тухачевского и других шпионов он сказал: “Я ничего не пойму, что происходит сейчас, расстреливают таких видных специалистов военного дела и крупных партийцев. Это говорит о том, что ведется борьба за власть в самой партии”. При этом от бесед на политические темы уклонялся, держал себя замкнуто, ко всему относился безразлично, пассивно...»³³.

Из показаний другого свидетеля - П. А. Андреева: «...По приезду из-за границы А.С. Космовский рассказывал, что, живя там, он чувствовал себя свободнее, чем в стране социализма. За границей всего изобилие и все дешево. В Советском Союзе только много обещают, но все население ходит голодное и раздетое, получает мизерную зарплату. За каждое вольное слово преследуют, и я очень жалею, что возвратился в СССР...»³⁴. Конечно же, показаний П. А. Андреева никто не проверял. Никого не волновало, что свидетель даже не указал время беседы. Более того, протокол допроса датирован 1 декабря 1937 г. К этому времени А. С. Космовскому уже было вынесено обвинительное заключение. Простой оговор закончился расстрелом...

Инкриминируемое преступление в обвинительном заключении было квалифицировано по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. 7 декабря 1937 г. «тройкой» УНКВД по Курской области он был осужден к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение немедленно.

21 апреля 1957 г. было возбуждено ходатайство перед прокурором Курской области о принесении протеста на предмет отмены решения «тройки» в отношении А.С. Космовского и прекращении дела по его обвинению. В Постановлении Президиума Курского областного суда от 28 июля 1958 г. отмечалось: «Показания Лопатинского, Андреева и Кирсанова (свидетели по делу А. С. Космовского – прим. Г.С.) не могут быть бесспорным доказательством вины Космовского как в связи с их некорректностью, так и по своему характеру. Их нельзя расценивать как доказательства проведения антисоветской агитации. Отдельные высказывания Космовского, приведенные в показаниях свидетелей, хотя и являются политически неправильными, однако они не содержат в себе состава преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР...»³⁵. Протест в отношении дела А. С. Космовского был удовлетворен, а постановление «тройки» отменено за недоказанностью обвинения. Его, как и многих других незаконно репрессированных в 1937–1938 гг., реабилитировали посмертно...

Еще одна трагедия, изломанные судьбы... В многодетную семью Бакалюк³⁶ беда пришла 25 июня 1937 г. Отец семейства был арестован и обвинен в проведении контрреволюционной агитации против существующего строя. Уже 10 декабря его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение ровно через месяц.

На руках у его вдовы – Анны Филипповны осталось четверо детей: Ирина – 10 лет, Леся – 7 лет, Эмме и Алле исполнилось по одному месяцу...³⁷ Как им удалось выжить в те страшные годы, в период оккупации г. Курска фашистами, – трудно сказать. Но «дети врагов народа» помнят многое. Помнят, как их выселяли из квартир, не принимали в комсомол, дразнили на улице. А еще они помнят человеческое сострадание, помощь соседей. Помнят о том, что верили тогда в невиновность отца и любили своими маленькими сердцами Родину. Может поэтому их мама Анна

Филипповна зимой 1942 г. удочерила Лизу Чиж, родителей которой расстреляли фашисты за то, что они были евреями...

День освобождения города Курска от фашистских захватчиков остался в памяти Эммы Федоровны навсегда. «Мы бежали с сестрой за советскими танками, падали на снег, поднимались и снова бежали. По щекам текли слезы радости, а мы смеялись от счастья. А еще помню, как танкисты бросали нам конфеты на снег», – вспоминает Эмма Теодоровна Бакалюк-Русанова³⁸.

Спустя много лет, уже тогда, когда многие репрессированные, в том числе и Т. П. Бакалюк, были реабилитированы, дети бывших «врагов народа» приложили максимум усилий для того, чтобы восстановить справедливость в отношении их родителей. Одна из дочерей Т. П. Бакалюк – Леся Теодоровна возглавляла Курскую областную ассоциацию жертв политических репрессий.

Заметим, что в 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которому территориальные органы прокуратуры с 1991 по 2001 г. пересмотрели более 508,4 тыс. уголовных дел в отношении почти 711,2 тыс. человек, реабилитировали 520,2 тыс. граждан³⁹. Прокуратура Курской области в 1991–2003 гг. проверила 12 911 архивных уголовных дел о контрреволюционных преступлениях, по которым к уголовной ответственности привлекалось 18 711 человек, из них – 7 216 граждан реабилитированы, разрешено свыше 7,5 тысяч заявлений граждан по вопросам реабилитации⁴⁰.

В 2002 г. по указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации была создана межведомственная группа по экспертно-правовой оценке архивного фонда уголовных дел на лиц, подлежащих реабилитации, а также проведена сплошная ревизия архивных фондов УФСБ, УВД и Государственного архива Курской области. В 2003 г. прокуратурой области проверено 1700 дел в отношении 3,5 тыс. лиц, из которых многие реабилитированы⁴¹.

Прокуратурой области проводится также работа по реабилитации детей, родители которых признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы, а также осуществляется замена ранее выданных им справок о признании пострадавшими от политических репрессий на справки о реабилитации (общее число ранее выданных прокуратурой справок о признании пострадавшими от политических репрессий составило 3 754).

Сведения о реабилитированных курянах помещаются в «Книгу Памяти жертв политических репрессий», в составлении которой важную роль играют члены Курской ассоциации жертв политических репрессий. Эта организация заявила о себе после выхода Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991 г.).

Члены инициативной группы – Л. И. Соснова, Н. К. Коньшева, П. Г. Нехода и сотрудник областного краеведческого музея В. А. Жабина начали огромную исследовательскую работу: связались с обществом «Мемориал» (г. Москва), с Государственным архивом Курской области (ГАКО), установили контакт с администрацией г. Курска и области, с областными ведомствами – прокуратурой, УВД, УФСБ. Первая Учредительная конференция Курской областной ассоциации жертв политических репрессий состоялась 16 февраля 1991 г. В ее работе приняли участие незаконно репрессированные куряне, их дети и внуки. Председателем Ассоциации был избран Петр Григорьевич Нехода⁴². Он, бывший сотрудник НКВД, недавний узник ГУЛАГа, приложил немало сил для увековечивания памяти погибших. После его смерти ассоциацию возглавляла Леся Теодоровна Власова (Бакалюк). В настоящее время Ассоциацией руководит Аида Александровна Федоровская. При ней в ассоциации состоят около 900 человек.

С 1991 г. члены ассоциации активно включились в процесс реабилитации необоснованно репрессированных курян. С их помощью были подготовлены сотни справок о реабилитации и свидетельств о смерти, многие «враги народа» вернули себе и своим родственникам честные имена.

А между тем был открыт доступ к секретным ранее архивам АУФСБ РФ по Курской области, что позволило одновременно с процессом реабилитации невинных жертв начать работу и над «Книгой Памяти». И во многом благодаря кропотливым усилиям авторского коллектива ассоциации, в 1996 г. вышел из печати первый том издания, где поименно были названы свыше тысячи репрессированных курян, большая часть которых – расстреляна. Эту книгу Николай Васильевич Саталкин, бывший узник ГУЛАГа, член Ассоциации, инвалид Великой Отечественной войны назвал «книгой великой скорби и слез вдов, а также осиротевших детей ничем не запятнавших себя родителей, чьи жизни были оборваны или искалечены в результате безнравственных и жестоких массовых политических репрессий»⁴³.

В настоящее время издано уже 4 тома «Книги Памяти». Среди тех, кто работал над составлением поименного списка погибших, – Л. Т. Власова, Л. И. Соснова, Н. В. Саталкин, В. М. Мокин и др. С теплотой и благодарностью члены Ассоциации вспоминают сотрудника Курского областного краеведческого музея Валентину Александровну Жабиную. Благодаря ее неутомимому труду были отпечатаны материалы всех четырех томов «Книги Памяти». Кроме того, именно ее стараниями в областном музее были оформлены стенды с материалами о жертвах репрессий в Курском крае.

Особо хотелось бы выделить вклад в издание «Книги Памяти» Ларисы Ивановны Сосновой. Она не только переписала тысячи справок на реабилитированных курян, но и на протяжении многих лет оказывала посильную помощь тем, кто пострадал в годы сталинских репрессий сам, или тем, у кого погибли родители. Лариса Ивановна оформляла документы на получение льгот жертвам политических репрессий, установление телефонов в их квартирах, содействовала в выдаче им денежных надбавок к пенсиям, помогала приобретать путевки в санатории и даже получать коммунальные квартиры.

Многие годы дети «врагов народа», поисковики Курского края, руководство УКГБ вынашивали мысль об организации поиска места погребения расстрелянных курян. В организации раскопок принимали непосредственное участие начальник Управления госбезопасности генерал-майор А.А. Даньшин, а также В.Г. Карнаевич, П.Г. Нехода и др. Огромную работу провели эксперты УВД по Курской области, криминалистический центр МВД СССР, сотрудники госбезопасности, следователи областной прокуратуры.

9 ноября – 6 декабря 1990 года поисковый отряд г. Курчатова под руководством Олега Неверова совместно с офицерами службы безопасности провел в урочище «Солянка» г. Курска поиск и эксгумацию останков граждан, репрессированных в 1930-е годы. Были найдены останки 94 человек. Кости рук многих из них были скручены на запястьях проволокой, черепа имели круглые отверстия в затылочной части. Поисковики обнаружили также личные вещи погибших: очки, пенсне, мундштуки, расчески, зубные щетки, кружки, осколки чашек, мыльница, в большом количестве обувь, протезы зубов, в том числе из золота. По факту находки прокуратура возбудила уголовное дело. Изъятые останки и предметы поисковики направили для исследования в областное бюро судебных экспертиз. Было назначено более двадцати экспертиз как в Курске, так и за его пределами. В различные архивы, музеи и ведомства полетели запросы. Однако имена всех погибших не смогли восстановить. По данным архива УФСБКО в 1930-е годы на «Солянке» было захоронено около полутора тысяч репрессированных...

30 октября 1992 г. в День памяти жертв политических репрессий с участием членов Курской областной ассоциации были перезахоронены останки расстрелянных, а на месте расстрела установлен памятный знак. И теперь ежегодно во Всероссийский День памяти жертв политических репрессий по инициативе руководства ассоциации здесь проводится Митинг Памяти. В нем принимают участие администрация города и области, УФСБ, УВД, областная прокуратура, общественные организации, образовательные школы, высшие учебные заведения. 30 октября 2008 г. мемориальный знак Памяти жертв политических репрессий был перенесен в парк им. Ф. Дзержинского г. Курска.

Справедливость, наконец, восторжествовала. О них, детях «врагов народа», сегодня помнят, их приглашают на митинги, школьные линейки. Но время неумолимо. И с каждым годом их остается все меньше. Поэтому необходимо дорожить каждым днем, каждой минуткой, чтобы дать возможность рассказать о времени, о себе, о жизни семьи в те страшные годы, о той боли, через которую прошли дети «врагов народа»... С горечью звучат слова Председателя Курской областной ассоциации жертв политических репрессий А. А. Федоровской: «Миллионы репрессированных, расстрелянных, замученных, сосланных, униженных. Их супруги и дети всю жизнь несли это страшное ярмо – дочь, сын “врага народа”. Безвинно пострадавшим вернули добрые имена, но все равно еще у людей есть некое сомнение, боязнь услышать эти мерзкие слова. Мы – дети, свидетели и жертвы политрепрессий – призываем всех: будьте бдительны, чтобы такого никогда в нашей стране никогда больше не повторилось»⁴⁴...

---

¹ Ошеров А. Г. Над пропастью во лжи: Из досье курской «лубянки». Курск, 1998. С. 42.

² Загоровский В. П. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995; Он же: Социально-экономические последствия голода в Центрально-Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; Мигущенко О. Н. Политические требования сельского населения Центральной Черноземной области (1928–1934 гг.) // Центрально-черноземная деревня: история и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Белгород, 1992. С. 53–55; Он же: Влияние социально-экономической политики государства на развитие правовых взглядов сельского населения в 1928–1934 гг.: (на материалах Центрально-Черноземной области). Курск, 1999 и др.

³ Ошеров А. Г. Над пропастью во лжи: Из досье курской «лубянки». Курск, 1998.

⁴ Карнаевич В. Г., Карнаевич Е. В. Тема протеста тоталитаризму в творчестве сельского населения ЦЧО в 1928–1929 гг. (По материалам Курского оперсектора ПП ОГПУ по ЦЧО) // История Российской духовности: материалы 22 Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2001. С. 257–260; Он же: Дело объединенного право-троцкистского блока [На примере Курской области] // История и культура: прошлое и современность: материалы докладов и сообщений заочной научно-методической конференции. Курск, 1999ж. С. 43–47; Шашкова О.Л. Врагом он никогда не был (по материалам архивно-следственного дела): [о работниках НКВД по Курской области] // Курский край: научно-практическая конференция; Третьяков С.В. Инакомыслие и сталинский режим: (по архивным материалам УФСБ РФ по Курской области) // Культура в истории России: прошлое и современность: материалы республиканской научно-практической конференции. Курск, 2001. С. 254–256 и др.

⁵ Друговская А. Ю., Капинос С. В. Курыне-священнослужители – жертвы политических репрессий 30–40-х годов: (по материалам «Книги Памяти жертв политических репрессий» // Из истории монастырей и храмов Курского края / отв. ред. А. Ю. Друговская. Курск: КГМУ, 1998. С. 116–221. Друговская А. Ю. Курская областная «Книга Памяти жертв политических репрессий» как исторический источник // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1999. С. 266–270.

⁶ Штукина Л. Н. Священномученик Онуфрий – епископ Курский // Из истории монастырей и храмов Курского края / отв. ред. А. Ю. Друговская. Курск: КГМУ, 1998. С. 126–130.

⁷ Салтык Г. А. Судьбы эсеров Курской губернии – членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921-1935. М., 2004. С. 181–197; Имя в истории: Пимен Иванович Карпов // Курский край: научно-исторический журнал. Курск, 2002. № 7–8. С. 59–63; Она же: Из истории Курского отделения всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВОБПКис). Там же. № 1–2. Курск, 2002. С. 53–58; «Все члены

эсеровского бюро арестованы и дали показания»: Докладная записка начальника Управления НКВД по Курской области 1938 г. // Исторический архив. 2002. № 6. С. 211–215.

⁸ Токарев С. В. Повседневная жизнь провинции в период обсуждения, принятия и реализации Конституции СССР 1936 г.: (на материалах Центрально-Черноземного региона). Курск, 2002.

⁹ Реабилитированы посмертно // Манжосов А. Н., Федоров Н. П. Этапы большого пути. Ч. 1. (1868–1941). Курск, 1991. С. 154–159; Салтык Г. А. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит: о репрессиях в Курском крае. 1937–1938 гг. Курск, 2004.

¹⁰ Курская биофабрика. К 100-летию биологической промышленности России. Курск, 1996. С. 130–142.

¹¹ М. Н. Иванов Из дневника политзаключенного / под ред. Г. А. Салтык. Курск, 2000.

¹² Салтык Г. А. Ивановы-Фонтейнесы: история рода // Вестник архивиста. 2006. № 2–3 (92–93). С. 325–339; она же: Великая Отечественная война глазами детей «врагов народа» // Война и дети: им память высшая награда: материалы Международной научно-практической конференции. Курск, 2005. С. 29–31; Она же: Сталинский тоталитаризм в 1930–1940-е годы и судьбы репрессированных курян: к истории становления Ассоциации жертв политических репрессий // Актуальні проблеми професійного становлення особистості сучасного юриста: збірник матеріалів II Міжнародної науково-практичної конференції 12–13 травня 2007 року. Суми, 2007. С. 5–7.

¹³ За участие в контрреволюционной организации здесь было арестовано восемь человек – директор предприятия Андрей Ефимович Шаварин, технический директор Константин Степанович Родионов, начальник цеха по изготовлению туберкулина Сергей Николаевич Постников, начальник научно-контрольной лаборатории Петр Константинович Барановский, главный бухгалтер Михаил Николаевич Иванов, бухгалтер подсобного хозяйства биофабрики Татьяна Арсентьевна Полозова, бухгалтер, Александр Михайлович Галдин, помощник директора биофабрики по хозяйственной части Нехемий Абрамович Глод. Обвинение строилось на признании руководящих работников в том, что все они являются активными участниками контрреволюционной организации, возглавлять которую должен был руководитель предприятия. Путем недозволенных приемов следствие склоняет арестованных Н. А. Глода, С. Н. Постникова А. М. Галдина дать показания о существовании на биофабрике такой организации, якобы возглавляемой А. Е. Шавариным. Кандидатура на должность «руководителя организации» была подходящей: «в прошлом подпоручик царской армии, дважды исключался из ВКП(б) за должностные преступления и связь с социально-чуждым элементом. В 1934 г. А. Е. Шаварин был судим на 6 месяцев принудительных работ за нарушение финансовой дисциплины»¹³.

¹⁴ И. И. Эдемский и И. В. Гинзбург – руководители Главного ветеринарного управления Наркомзема СССР по обвинению в контрреволюционной деятельности были расстреляны в ноябре 1937 г. Работники НКВД искали «связи» «врагов народа» из Главка на местах. Вспомнили о том, что VI Пленум ветеринарной секции ВАСХНИЛ, на котором рассматривали вопросы борьбы с туберкулезом животных, проводился на базе Курской биофабрики, руководителем которой являлся А. Е. Шаварин.

¹⁵ Салтык Г. А. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит: (о репрессиях в Курском крае в 1937–1938 гг.). Курск, 2004. С. 58.

¹⁶ Щепиков В. Еще одна изломанная судьба // Городские известия. 1994. № 70.

¹⁷ Шаварина Е. С. В бюро жалоб при ЦК ВКП(б): Жалоба. Курск, 1939. Музей Курской биофабрики. С. 3.

¹⁸ М. Н. Иванов. Из дневника политзаключенного / сост. Г. А. Салтык. Курск, 2000.

¹⁹ Воспоминания Т. М. Ивановой // Архив музея Курской биофабрики. Личный архив автора.

²⁰ Анна Михайловна, старшая дочь Ивановых, окончила Курский медицинский институт в 1945 г. и была призвана в ряды Советской армии. В 1946 г., после рождения сына, ее демобилизовали. Жила в Курске, работала врачом-педиатром. Трагически погибла в 1957 г. Ее сын – Михаил Викторович и невестка Светлана Николаевна также окончили медицинский институт. По их стопам пошла дочь Михаила – Ольга. Она – врач-окулист. Сын Дмитрий закончил Курский государственный технический университет, работает юристом. Татьяна Михайловна, младшая дочь Ивановых, также училась в медицинском институте, затем работала врачом-педиатром. Сейчас на заслуженном отдыхе. Дочь Лена обучалась в Дрезденском университете. Работала инженером-программистом. Проживает с семьей в Литве. Алиса Михайловна Иванова-Бегунова живет с семьей (дочь Александра и внук Дмитрий) в г. Севастополе. Окончила судостроительный техникум, потом институт. Работала в ЦКБ (Центральном конструкторском бюро) Севастопольского судостроительного завода инженером-конструктором.

²¹ И.А. Гулиенко родился в Курске 30 марта 1904 г. в семье сапожника. Его трудовая жизнь началась в 10 лет. Работал на конфетной фабрике, кожевенном заводе. В конце 1918 г. вступил в комсомол. Вскоре был избран членом бюро ячейки, членом губернского комитета РКСМ. В августе 1923 г. девятнадцатилетний Гулиенко был выдвинут на освобожденную комсомольскую работу: вначале заведующим экономическим отделом, а затем секретарем райкома РКСМ. В мае 1924 г. его избрали

секретарем Курского городского комитета, а в 1925 г. назначили заведующим экономическим отделом губкома РКСМ.

²³ Воспоминания Л.И. Сосновой // Личный архив автора.

²⁴ Там же.

²⁵ Шабалина Н. Человек, долг, совесть // Курская правда. 1964. 29 февраля.

²⁶ Соснова (Гулиенко) Лариса Ивановна родилась в 1928 г. 28 сентября в г. Курске. Окончила вечернюю школу молодежи. В 1943 г. вступила в ряды ВЛКСМ. Избиралась секретарем комитета комсомола школы, была вожатой, внештатным инструктором райкома комсомола, шефствовала над детским распределителем. Затем поступила в педагогический институт на двухгодичное учительское отделение. После окончания института работала в Жерновецкой школе и училась заочно на химико-биологическом факультете КГПИ. Ее муж Борис Васильевич Соснов окончил Ленинградское военно-морское училище. Служил на Дальнем Востоке. После демобилизации в 1956 г. семья вернулась в Курск. Сейчас, будучи на пенсии, Л. И. Соснова продолжает приносить пользу людям – собирает по крупицам факты из истории репрессированных курян, принимает участие в составлении многотомной «Книги Памяти жертв политических репрессий Курской области», вносит свой вклад в восстановление правды о 1930-х годах...

²⁷ Банин Константин Ефимович родился в 1896 г. в с. Александровке Рыбинского уезда. В 1914 г. работал подручным слесаря. С сентября 1915 г. устроился слесарем-разметчиком, а затем помощником мастера слесарно-сборочной мастерской на Петроградский завод им. Путилова. Год спустя, был призван в армию. Служил рядовым 1-го воздухоплавательного полка, до марта 1918 г. работал на авиазаводе военнообязанным. В связи с эвакуацией завода в марте 1918 г. выехал на родину. Здесь вступил в партию большевиков. С августа 1919 по июнь 1921 гг. находился в Красной армии. Затем был уездным военкомом в Рыбинске, в 1922 г. – ответственным секретарем уездного комитета РКП(б) г. Мышкина. Работая в Ярославском крае, избирался делегатом IX Всероссийского съезда Советов, IV Всероссийского съезда РКСМ (1922 г.), XIII съезда ВКП(б) (1924 г.). В 1926 г., будучи секретарем укома ВКП(б) Мологи Ярославской губернии, Банин попросил направить его учителем и два года являлся слушателем курсов уездных партийных работников при ЦК ВКП(б) Москвы. После окончания курсов работал в Воронеже, затем в Иркутске; с весны 1933 г. – в Курской области: начальник Колпнянской МТС, первый секретарь Новооскольского райкома ВКП(б), третий секретарь Курского обкома ВКП(б). Через 10 месяцев после ареста, 25 октября 1938 г., на закрытом судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР ему было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК. Его приговорили к расстрелу с конфискацией всего личного имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Через 18 лет Военная коллегия Верховного суда СССР придет к выводу: прекратить дело за отсутствием в действиях К. Е. Банина состава преступления...

²⁸ Геращенко Федор Алексеевич родился 22 марта 1904 г. в с. Санчино (ныне Евдокимовский район Воронежской области). Беспартийный, украинец, работал инженером-строителем железнодорожных сооружений. В 1922 г. он был призван в ряды Красной армии. После возвращения из армии в 1931 г. был избран председателем колхоза им. Рудзутака. В 1934–1935 гг. обучался на курсах председателей «ОСОАХИМА». В 1935 г. был назначен председателем «ОСОАХИМА» ст. Подгорная Воронежской области. В этой должности он проработал до 1940 г. В преддверии Великой Отечественной войны его перевели в г. Россошь. Одновременно учился заочно в институте на строительном факультете в должности производителя работ (прораба) по строительству и ремонту ж.д. полотна и железнодорожных сооружений (мостов и др.).

Под руководством Ф. А. Геращенко и его непосредственном участии в предвоенный период было построено большое железнодорожное полотно и мост через большую реку Дон в г. Лиски. В годы Великой Отечественной войны этот мост имел большое стратегическое значение. Через него переправляли военную технику, войска, эвакуировали мирных жителей в тыл страны. Поэтому этот мост строго охранялся подразделением, которым командовал Ф. А. Геращенко. 1 марта 1942 г. он был арестован, а 19 марта 1942 г. его осудили Военным трибуналом по статье 58 п. 10 к расстрелу.

²⁹ Евтуха Мария Федоровна родилась 9 октября 1927 г. в с. Сончино Евдокимовского района Воронежской области. По национальности русская, из семьи рабочих. Ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Награждена медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указом от 22 марта 1995 г. реабилитирована от 23.08.2001 г. Справка о реабилитации № 13-298-2001 г.

³⁰ Воспоминания М.Ф. Евхуто // Личный архив автора.

³¹ В 1950 г. закончила институт, вышла замуж за офицера Советской Армии капитана Н.М. Евхуто. В Курске проживает с 1951 г. Работала в тресте «Курскпромстройматериалы» начальником строительной лаборатории. Была преподавателем стройфака Курского политехнического института. Уже

будучи на пенсии работала по приглашению в головном учебном комбинате ВО «Главкурсктяжестрой» в качестве мастера производственного обучения по подготовке строительных кадров, затем в должности вахтера общежития «Курского хлебокомбината» работала до 1992 г. Трудовой стаж составляет 55 лет, 6 месяцев и 7 дней. Награждена медалью «Ветеран труда». Но и сегодня, будучи в преклонном возрасте, Мария Федотьевна очень сожалеет о том, что пришлось пережить ее семье после ареста отца...

³² АУФСБ РФ по Курской области. Д.П. -7058. Л. 14.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 1-48.

³⁶ Бакалюк Теодор Павлович родился 4 мая 1894 г. в селе Кошляки Збарашского уезда в Польше. Здесь получил среднее образование. Потом семья переехала на Украину. В г. Виннице окончил сельскохозяйственный техникум и высшие сельхозкурсы на отделении ученого агронома-хмелевода. Его жена – Бакалюк Анна Филипповна (Задорожная) родилась 30 ноября 1900 г. в г. Казатине Винницкой области на Украине в многодетной семье почетного железнодорожника (в семье было 12 детей). Окончила высшие медицинские курсы и получила степень старшей медицинской сестры высшей категории. Они поженились в 1925 г. Через год молодая семья переехала в Курск. Здесь Т. П. Бакалюк получил должность старшего агронома Облхмельпункта. Позже он стал его управляющим.

³⁷ Ирина Бакалюк родилась 9 сентября 1927 г. Окончила Киевский медицинский институт, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Работала заведующей лоротделением в Киевской областной больнице. Леся Бакалюк родилась в 1930 г. Училась в Курском торговом техникуме, Киевском институте пищевой промышленности им. А. И. Микояна. Работала главным инженером пивоваренного завода в г. Шахты Ростовской области, затем – главным инженером ликероводочного завода в г. Курске. Десять лет возглавляла Курскую областную ассоциацию жертв политических репрессий. Эмма и Алла родились 19 мая 1937 г. Обучались в Курском государственном педагогическом институте. После его окончания Алла уехала в Сибирь, где работала завучем в техникуме железнодорожного транспорта в г. Кургане, зам. директора лицея в г. Челябинске. Эмма всю жизнь находилась на преподавательской работе в г. Курске. Многие годы проработала начальником отдела средних профтехучилищ управления профтехобразования. В 1976 г. возглавляла делегацию курских учителей на всесоюзном учительском съезде. Отличник народного образования СССР.

³⁸ Воспоминания Э. Т. Русановой (в девичестве Бакалюк) // Личный архив автора.

³⁹ Весновская Г. Как работает закон // 30 октября. 2001. № 18. С. 1.

⁴⁰ Книга Памяти жертв политических репрессий Курской области. Т. IV. Курск, 2004. С. 6.

⁴¹ Салтык Г. А. Восстановление справедливости: о поисковой работе по увековечиванию памяти жертв политических репрессий // Поисковое движение России: перспективы развития: материалы Всероссийской науч.-практической конф. Курск, 12–13 декабря 2007 г. Курск, 2008.

⁴² Нехода П. Г. в начале 1940-х попытался бороться с беззаконием в органах НКВД. Находясь на ответственном посту начальника наружной разведки в Курске, он в поисках справедливости рискнул обратиться лично к И. В. Сталину. Утром 20 августа 1940 г. его препроводили на Лубянку к Л. П. Берии, а через два дня посадили в камеру № 17. Было сфабриковано «дело», в котором П. Г. Нехода обвинялся в антисоветской деятельности. В феврале 1941 г. решением Особого совещания НКВД П. Г. Нехода был осужден и направлен на пять лет в Краслаг НКВД. Его неоднократные рапорты об отправке на фронт оставались безответными. 22 февраля 1945 г. П. Г. Нехода по ходатайству администрации лагеря за хорошую работу был освобожден досрочно. Но... без права выезда с территории лагеря. На свободном поселении в Краслагере ему пришлось прожить долгих восемь лет. Лишь 10 апреля 1954 г. Верховный суд СССР приговор в отношении П. Г. Неходы отменил и уголовное дело прекратил.

⁴³ Книга Памяти жертв политических репрессий Курской области. Т. III. Курск, 2000. С. 51.

⁴⁴ Книга Памяти жертв политических репрессий Курской области. Т. IV. Курск, 2004. С. 11.